

М. ЖИВОВ

Смех К. Крапивы

Кондрат Крапива начал свою литературную деятельность двадцать лет назад сатирическими рассказами и баснями. Уже в этих ранних произведениях проявился его незаурядный талант. Сочный народный юмор у него тонко переплетался с бичующей сатирой. Способность эта нашла свое яркое выражение и в пьесе К. Крапивы «Партизаны» — первом его драматургическом произведении. В этой пьесе, наряду с центральным героем ее — «белорусским Чапаевым», партизаном Данилой, глубоко запечатлеваются образы деда Барыля и крестьянина-поляка Батуры. Народным юмором пересыпана их речь. За каждым словом, вызывающим улыбку или смех, — серьезная мысль, глубокое человеческое чувство.

К деду Барылю приезжают «сваты» из партизанского отряда, они заводят с ним речь, стараясь привлечь его на свою сторону. Трудно как будто сговориться со стариком, на каждое слово он отзывается пословицей или поговоркой — поди, знай, как истолковать ее. Старик не хочет отвечать прямо — «Кто тебя видит, что ты за человек, может, нарочно выспрашиваешь». Но когда ему становится ясно, что эти «сваты» и на какое дело они его сватают, он скупно говорит: «Умирать собрался, а коли так, отложить придется». И в этих словах, произнесенных с волнующей улыбкой, чувствуется вся жизненная сила этого человека, его воля, способная, кажется, победить и смерть.

Как для деда Барыля, так и для Батуры, крылатое слово служит оружием. Батура прекрасно знает, как «из слов дело делают». Он ходит по деревне с гармонкой, распевает частушки, но когда надо, исполняет поручение партизан, а когда можно, поет такую частушку, которая действует порою сильнее любого агитационного слова:

Были куры у Батуры,
Да паны поели,
Чтоб они поиздыхали
На этой неделе...

Глубокое чувство юмора, понимание силы бичующего сатирического слова помогло Кондрату Крапиве создать комедию «Кто смеется последний». Сюжет этой комедии сам по себе, пожалуй, несложен, но сила ее в том, как драматург разрешает свою задачу. Центральный герой комедии — авантюрист и пройдохимец Горлохватский, вскормленный на навозной куче троцкизма, выдающий себя за ученого-палеонтолога и пытающийся на застрачивании робких и на обмане смелых создать себе карьеру ученого. Крапива разоблачает подлека и пройдохимца, обрушивая на него всю силу своей бичующей сатиры. Крапиве мало показать своего героя во всем ничтожестве и пустоте, он должен был изобразить и зловерность, и опасность для общества таких типов, как Горлохватский. И он представил его во всей его отвратительной гнусности и мерзости. Зритель видит, как этот жулик вскрывает чужое письмо и добывает из него авторитетную рецензию на чужой научный труд, чтобы выдать ее, как рецензию на свою несуществующую работу. Зритель видит, как он запугивает трусливого Тулягу и заставляет его писать за него, Горлохватского, исследование по палеонтологии. Зритель видит, как Горлохватский плетет сеть своих низких интриг. И когда Горлохватский, стоя под огромным скелетом мамонта, произносит выпендренные речи, когда он выставляет себя поборником высокой идейности, принципиальности и нравственности, кажется, все уже обнажено в гнусной сущности этого человекоподобного существа.

Однако Крапива не удовлетворяется и этим. Горлохватский таков не только в своем «учреждении». В быту он также отвратителен. Зрителю открывается семья Горлохватского — его «святая святых», и он видит, что она столь же грязна, как и все, чем живет и дышит этот уродливый тип.

Крапиве удалось не только разоблачить всю гнусность Горлохватского, но и показать, что это — исключительное, единичное явление в нашей жизни, что Горлохватские могут водвориться в ней на короткий срок, но неминуемо должны быть разоблачены, ибо их окружают честные советские люди, которых можно ввести только в кратковременное заблуждение.

Но, может быть, еще больше таланта обнаружил Кондрат Крапива, создав образ

Туляги. В этом человеке есть что-то от гоголевского Акакия Акакиевича — тот «заблаговременный» страх, который мешал ему предпринять что-либо в жизни, который не давал ему жить. Туляга тоже боится «заблаговременно». Мог ли родиться подобный страх в советской действительности? Автор показывает, что родословная этого страха коренится в прошлом. Туляга всю свою жизнь боялся и — бежал. В империалистическую войну он бежал из Барановичей от немцев в Белоруссию. В гражданскую войну он бежал из Белоруссии в Воронеж, бросил свою научную работу, учительствовал и, вероятно, превратился бы в чеховского Беликова, если бы не пришла Великая революция. Туляга вернулся в Белоруссию и снова занялся своей любимой палеонтологией. Однако он привез с собой проклятое чувство — «заблаговременного» страха. Ему уже приходилось слышать, что он похож на какого-то белогвардейского офицера, и достаточно намека, чтобы Туляга превратился в послушное орудие Горлохватского.

Жизненно-правдивой предстает эта необычайная фигура в комедии К. Крапивы. Автор показал, что страху Туляги, унаследованному от Акакия Акакиевича, нет места в советской действительности. В этом проявляется еще одно достоинство комедии: положительные фигуры выступают в ней не как статисты, а как полнокровные живые люди. Именно поэтому автору удалось показать, как, благодаря окружающим его честным людям, Туляга освободился от своего страха, обрел смелость советского человека и стал в ряды тех, кто разоблачил Горлохватского и утвердил торжество правды, вопреки козням интригана.

Это превращение Туляги так же убедительно и правдиво, как вся комедия. Зритель сознает, что оно естественно и закономерно. Мы видели Тулягу в исполнении народного артиста БССР т. Глебова, которому, так же, как и автору комедии, присуждена Сталинская премия. Каждая деталь авторского замысла, вся теплота юмора в игре т. Глебова ощущались еще более отчетливо, нежели при чтении пьесы.

Кондрат Крапива знает, что и Горлохватские, и Туляги — порождение отжившего, старого, чему нет уже места в свободной, творческой жизни нашей страны. Отсюда его юный задор, глубокий оптимизм, веселость и бодрость даже тогда, когда он бичует самые отвратительные пороки.

Смелость, с которой Кондрат Крапива пользовался комедийными приемами, чтобы обнажить все ничтожество Горлохватского, жены его Анны Павловны, его поборника Зелкина, глубокое человеческое чувство, с которым он показал Тулягу и в тяжелые минуты его падения и в светлые минуты осознания своей правды, артистическая чуткость, с которой он нарисовал своих положительных героев — Черноуса, Веру, Леоновича, тщательность, с которой он выписал эпизодические фигуры Ничипора, тети Кати, незнакомой женщины; отход от штампов, умная изобретательность — все это привело к созданию подлинно советской комедии, заслуженно занявшей одно из первых мест в комедийном репертуаре советских театров.